

стонской (1720—1788), одной из наиболее экзотических личностей того времени, но и потому, что, как явствует из этого письма, существующие сведения о поездке Петрова по Европе ошибочны. Вскоре после погребения герцога Кингстонского (13 октября 1773 г.), своего второго мужа по двоемужному браку, герцогиня решила отправиться в Рим и подняться по Тибру в собственной яхте. В Риме итальянское общество оказало ей очень теплый прием. Сам папа Клемент XIV принимал ее неоднократно. Герцогиня оставалась в Италии до весны 1774 г., когда известие о том, что члены семьи Мидоус собираются оспаривать завещание герцога и предпринять судебное преследование, заставило ее возвратиться в Англию.²³ Несмотря на утверждение Петрова, что герцогиня желает вернуться «с возможной поспешностью», двигались они медленно, в значительной степени из-за болезни герцогини. Ехали они из Рима через Флоренцию, Геную, Антибы, Женеву и Париж, которого они достигли только в конце июня. В Лондон герцогиня прибыла только 9 июля; в начале августа она уже снова уехала, едва успев спастись от ареста по обвинению в двоемужестве. Петров же остался в Лондоне, встретившись со своим другом Силовым. Их письма к Екатерине датированы концом августа—началом сентября: в них выдвигаются основания для отсрочки возвращения в Россию; можно считать, что их путешествие домой через Францию и Германию началось только осенью. Поэтому представляется вероятным, что Петров прибыл в Россию только в начале 1775 г. Петров, но не Силов, ибо есть основание предполагать, что Силов скончался во время этого путешествия.

В числе восемнадцати писем Николая Семеновича Мордвинова Самборскому, посланных между 1774 и 1805 гг., есть письмо, в котором говорится о смерти Силова. Там сказано следующее: «Я без слез не могу вспомнить любезного Силова и Петрова. Боже мой, какая потеря. Никогда мы, его друзья, не будем утешены; прямо часть нашего благополучия пропала. Я на этих днях только смерть его узнал; и совсем несчастлив сделался. Раз по пяти в день не могу удержаться от слез. Вот удар первый, что сердце мое чувствует; вот горесть истинная, что я ощущаю теперь. Я так севодни тронут сим несчастием, получив от вас письмо, что распух весь от слез. А! батюшка, он умер; но мы его век не забудем; он мертв, но жив для нас; мы его будем видеть на небесах, как видели его в отдаленности на земли. С каким прискорбием обращаю [*оторвано* — свой взор?] я на Петрова. Какая печаль, какой удар для него. Боже мой, может ли быть что прискорбнее, как класть своими руками друга своего во гроб и зарывать землею того, к которому сердце приложено. Забудем, если можно, такое горестное и болезненное воспоминание; будемте утешаться добродетельми умер-

²³ Mavor E. *The Virgin Mistress: The Life of the Duchess of Kingston* London, 1964, p. 110—119.